

На наш взгляд, автору следовало бы шире осветить вопрос о влиянии форм общественного сознания на формирование традиций и обычаев современного советского общества. В частности, при выяснении вопроса о месте традиций и обычаев в социальной жизни следовало бы учесть, что они оказывают влияние на сознание не как изолированный, полностью самостоятельный фактор, а наряду и в связи с другими явлениями общественной жизни (например, общественным мнением, общественным настроением и т. п.). Мы считаем, что следовало также глубже рассмотреть вопрос о соотношении национального и интернационального в традициях советских народов.

В книге используются статистические материалы и данные конкретно-социологических исследований (последние, на наш взгляд, недостаточно полно). Однако во многих случаях эти материалы служат скорее иллюстрацией для некоторых общих положений, а не объектом конкретного анализа. Правда, недостаток материала — это скорее не вина, а беда автора работы: он обусловлен слабым развитием конкретно-социологических исследований в области общественного сознания. Такое положение наводит на мысль о необходимости организации дальнейших исследований в этой области.

Некоторые из выдвинутых в книге положений, по нашему мнению, страдают излишней категоричностью. Это касается, в частности, выводов автора о формировании новой мейн-бойтовой обрядности.

В работе встречаются отдельные повторы, нечеткие формулировки, растянутые фразы.

Однако следует отметить, что эти недостатки не умаляют теоретического, идейно-политического и практического значения рецензируемой книги. Монография А. К. Алиева — интересное исследование, отличающееся глубиной теоретической мысли и оригинальностью. Приходится сожалеть, что книга выпущена малым тиражом — 1000 экз.

Х. М. Хашаев

Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, 293, илл.

Рецензируемая книга относится к серии крупных коллективных монографий, посвященных народам средней Азии и Казахстана. В работах, вышедших в свет с 1954 по 1967 г., на основании обширного полевого этнографического материала и данных письменных источников показаны коренные преобразования, происшедшие за годы Советской власти в хозяйственном укладе, общественном строе, быте и культуре сельского населения исследуемых народов. Авторы рецензируемой работы ставили перед собой, наряду с отмеченными выше проблемами, задачу исследовать основные тенденции развития современной культуры и быта, производственных, общественных и семейных отношений узбекского сельского населения, а также показать современные этнические процессы в типичном для Узбекистана сельском районе. Нужно отметить, что для большинства районов Узбекистана в настоящее время типичным является неоднородность этнического состава населения при значительном преобладании узбеков, многоотраслевое сельское хозяйство при ведущей роли хлопководства, соседство городов и рабочих поселков, возникших в результате развития промышленности, зачастую на месте колхозных кишлаков.

Исследования в течение ряда лет проводились в Пастдаргомском районе Самаркандской области, выбранном среди других в результате двухгодичного маршрутного обследования этого региона. Обследовавшийся район отличается многонациональным составом и своеобразным бытом населения. Кроме того, он близко расположен к Самарканду и находится больше, чем другие районы, под влиянием городской культуры. Последнее обстоятельство дало возможность авторскому коллективу исследовать на конкретных примерах процессы сближения сельской и городской культуры.

Авторы монографии в своей работе широко использовали как полевой этнографический материал, так и литературные данные. Значительный интерес представляет первая глава книги — «Население» (Б. Х. Кармышева), в которой довольно подробно освещаются вопросы истории формирования населения и современных этнических процессов в этом районе, населенном с давних пор таджиками, узбеками, туркменами и арабами, после присоединения Средней Азии к России и рядом других народов. Путем тщательного анализа и сопоставления различных источников автор определил время появления каждого из них, показал современные этнические процессы.

Во второй главе «Занятия населения» (Р. Я. Рассудова) рассказано о хозяйственной деятельности и социальных отношениях узбекского населения. Автор подробно останавливается на характеристике главных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства. Большое внимание уделяется орошаемому земледелию, широко распространенному в долине Зеравшана. Эта форма земледелия, в отличие от богарной, о которой, кстати, сказано очень мало, способствовала и способствует возделыванию различных сельскохозяйственных культур. Материал стал бы еще интереснее, если бы Р. Я. Рассудова не ограничилась просто перечислением существующих в этом районе систем земледелия, а дала бы характеристику их, как это было сделано в разделе о плодосменной системе. Кстати, ничего не сказано о сельскохозяйственных орудиях. Огорчает также отсутствие упоминания о существующей по этому вопросу литературе. С развитием экономических свя-

зей между Россией и Средней Азией в изучаемом районе изменяется направление земледелия. Главной культурой здесь становится хлопок, постепенно вытеснивший все остальные сельскохозяйственные культуры. Довольно слабо написан раздел, характеризующий скотоводство. Из описания не ясно, какой вид скота и в каких зонах преобладал, каковы были системы скотоводства. Мало сказано также и о скотоводстве равнинной части района.

С интересом читается раздел «Подсобные промыслы», где описываются домашние отхожие промыслы. Затем идут разделы «Организация крестьянского хозяйства», «Социальные процессы», в которых освещаются некоторые исторические вопросы и вопросы касающиеся способов орошения полей в дореволюционный период. Рассказывается формах землевладения, о взаимоотношениях между социальными категориями и т. Возможно, что выделение таких разделов оправдано; вместе с тем здесь часто встречается повторение материала, дающегося в других разделах.

Большой интерес представляет раздел «Организация крестьянского хозяйства», в котором впервые обстоятельно рассмотрен вопрос о «кара-казанах» — пережиточной форме водоземельной общины. К сожалению, здесь говорится лишь об организации хозяйства на поливных землях. Читателю остается неясным, как было организовано хозяйство на богаре, какие порядки и обычаи ведения земледельческого хозяйства существовали. Рассматривая организацию труда крестьян в период коллективизации, автор с успехом впервые в этнографической литературе пытается проследить и (делает это довольно удачно) процесс постепенного изменения общинных традиций и взглядов.

Весьма удачно сделана глава «Бытовой уклад населения» (Б. Х. Кармышева), посвященная описанию материальной культуры населения исследуемого района. Большим достоинством этой главы является то, что автор сумел отразить национальную специфику почти каждого из изучаемых народов, проявляющаяся в жилище, убранстве, пище и т. д. Хорошее знание быта позволило автору отметить своеобразие в поселении и жилище у таджиков, полукочевых узбеков, а также найти большое сходство в их одежде. Весьма положительным фактом является и то, что в этой главе более последовательно, чем в других, соблюдается принцип историзма, т. е. явления показаны на разных этапах своего развития.

В результате присоединения к России Средней Азии и проникновения в этот район капиталистических отношений, отмечает автор, в жизни туркменского народа произошли большие хозяйственно-политические изменения. Так, итогами этого события было постепенное оседание в конце XIX и начале XX в. полукочевых и кочевых народов, складывание определенных типов поселений, жилища, хозяйственных построек, изменения в духовной культуре. С этого времени в низовьях Даргома возникло большое количество поселений, по определению автора, гнездового типа, располагавшихся в основном вдоль магистрального оросительного канала. При этом выявляется характерная этнографическая деталь: население, которое вело полукочевую жизнь — узбеки-найманы, кипчаки, хити и саран, а также арабы и туркмены, оседало небольшими, порой родственными группами, причем разбросанно; оседлое население (таджики, бухарцы, отчасти мангыты) также селилось родственными группами, но не разбросанно, а скученно, образуя небольшие кишлаки. Все эти поселения, составившие отдельные большие общины, считали в литературе хуторами, против чего справедливо выступает автор.

Значительный интерес в данной главе представляет раздел, посвященный советскому периоду. Уже в 30-х годах у бывших кочевников повсюду строились глинобитные дома, не успевающие, однако, до тех пор вытеснить окончательно юрту; старая утварь заменяется фаянсовой посудой, постепенно улучшается пища, широко проникают в деревню городские формы одежды и т. д. В наши дни, как видно из многих приводимых в главе примеров, материальная культура исследуемого сельского района все больше сближается с материальной культурой городского населения. Так, мелкие кишлаки превращаются в крупные населенные пункты, появились дома новых типов, среди которых многокомнатный, квадратный в плане дом городского типа имеет наибольшее распространение.

Начинает меняться и одежда: городские формы проникают прежде всего в мужскую и лишь отчасти в женскую одежду, при этом традиционный женский костюм в основном сохраняется.

Большое достоинство рассматриваемого раздела — наличие многих хорошо выполненных иллюстраций (фотографии, чертежи, рисунки) по жилищу, одежде, утвари.

Глава «Семья и семейный быт» (Л. Ф. Моногорова) построена на большом полеводно-этнографическом материале, характеризующем с достаточной полнотой современное состояние узбекской семьи. Вызывают интерес данные о неразделенной семье, которая, по утверждению автора, еще в конце XIX и начале XX вв. была преобладающей в исследуемом районе. Однако поскольку для конца XIX в. эта форма семьи уже не была господствующей во многих других районах Средней Азии, то желательно было бы иметь здесь хотя бы некоторые статистические данные, подтверждающие степень ее столь широкого распространения.

Кстати, термин «неразделенная семья» принят далеко не всеми исследователями, а те, кто его признает, расходятся в понимании сущности этого термина. Поэтому автору следовало бы дать более развернутое его определение. Значительное место в главе отводится характеристике развития советской семьи, борьбе за раскрепощение женщины и росту ее активности во всех областях жизни колхозного села. Много внимания уделено показу внутрисемейных отношений, воспитанию детей, а также описанию брака и семейной обрядности. В целом глава производит хорошее впечатление.

С большим интересом читается раздел «Духовный облик узбекского крестьянина» (П. Снесарев), в котором автор поднимает теоретические проблемы, отчасти в какой-то мере уже освещавшиеся в литературе. Мы имеем в виду один из главных тезисов автора о том, что географическая и духовная изоляция населения изучаемого района была разрушена с проведением дорог, с постройкой промышленных предприятий и культурно-просветительных учреждений. Эти факторы, способствовавшие уничтожению локальной особенности, как известно, были характерными и для многих других районов страны, чем не раз говорилось в литературе.

Однако заслуга автора заключается в том, что он на многочисленных примерах довольно обстоятельно показал завершение этого сложного процесса, причем совершенно правильно подчеркнул особое значение влияния городской культуры (передаваемой через школу, радио, телевидение, кино, прессу) на формирование духовного облика сельского узбекского населения.

Большого внимания заслуживают страницы, посвященные вопросам религии различных национальных и возрастных групп населения. Эта важная и мало разработанная проблема освещается всесторонне, отчего рассматриваемая глава приобретает актуальное политическое значение и может стать ценным пособием в борьбе с религиозными пережитками. В целом данный раздел монографии является серьезным вкладом в этнографическую науку.

Хотелось бы только отметить, что отсутствие характеристики дореволюционного мировоззрения узбеков несколько снижает научное значение монографии.

В заключение следует сделать одно общее замечание. В предисловии указывается, что в задачу монографии входит показ «современных этнических процессов в типичном для Узбекистана сельском районе». Для этого в книге должны были быть рассмотрены данные, относящиеся не только к узбекам, но и к другим национальностям, живущим в изучаемом районе. Между тем, ни один из авторов, кроме Б. Х. Кармышевой, не пытался этого сделать.

В целом можно отметить, что выход в свет рецензируемой монографии является значительным событием в этнографической науке.

Книга будет интересна и окажет большую помощь не только этнографам, изучающим быт и культуру современного колхозного крестьянства, историкам и философам, но и найдет себе широкий круг читателей.

Б. А. Калоев

«Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования», М., 1969, 168 стр.

Комиссия по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства при Отделении исторических наук АН СССР издала книгу о землях древнего орошения в Средней Азии и Казахстане под редакцией С. П. Толстова и Б. В. Андрианова. Это сборник, состоящий из 13 статей 16 авторов: археологов, этнографов, ирригаторов, почвоведов, географов. Такое содружество само по себе знаменательно и не часто встречается при разработке тех или иных проблем; начало его восходит к исследованиям Хорезмской экспедиции Института этнографии, как известно, давшей много интересных работ. Чем больше дифференцируются науки, тем больше нуждаются они друг в друге для разрешения больших комплексных задач. Поэтому не случайно привлечение специалистов разных профилей для выяснения вопроса об использовании земель древнего орошения Средней Азии и Казахстана в современном сельском хозяйстве.

Природные предпосылки развития орошаемого земледелия в аридной зоне СССР рассмотрены в статье П. А. Летунова и С. Л. Миркина, которые говорят о цифре в 3 млн. га поливной площади в пустынях и полупустынях СССР (а всего в нашей стране орошается около 9 млн. га), хотя фонд земель, пригодных к орошению, насчитывает 19,5 млн. га.

Водные ресурсы позволяют увеличить площадь орошаемых полей и садов, например только в бассейне Амударьи, вместо современных 2 до 5 млн. га. Но полному использованию водных ресурсов этой самой большой реки Средней Азии препятствует необходимость сохранения жизни в ее дельте и в Аральском море.

Следует ли использовать земли древнего орошения в нашу эпоху, когда техническая вооруженность и научная мысль позволяют по-иному решать вопросы ирригации, чем это делали наши предки тысячу — две тысячи лет назад? Казалось бы, на такой вопрос ответ прост. Да, следует!

Но материалы рецензируемого сборника вызывают сомнения в столь определенном и однозначном утверждении, в нем немало противоречий. В статье С. П. Толстова приводятся грандиозные размеры площади древнего орошения (о чем говорит приложенная карта): только в низовьях Амударьи и Сырдарьи они составляли от 4,5 до 5 млн. га, что в четыре раза превосходит современную поливную площадь. А всего в СССР земли древнего орошения занимают 8—10 млн. га (статья Б. В. Андрианова, стр. 42). Конечно, они не использовались под поливное земледелие одновременно, кроме того, при при-